

ФИЛОЛОГИЯ*(специальность: 10.02.19)*

УДК 81

Р.С. Ильясова*Чеченский государственный университет**г. Грозный, Россия****Е.С. Гайломазова****Ростовский институт**защиты предпринимателя**г. Ростов-на-Дону, Россия**redaction-el@mail.ru***ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИСКУРС:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*****[Raisa S. Ilyasova, Elena S. Gailomazova******Literary text as a literary discourse: theoretical aspect]***

The article summarizes some of the results of the study of a literary text as a literary discourse. Literary reading has been a research topic for literary scholars and educators for almost three quarters of a century. Most modern authors perceive literary texts as phenomena of natural communication and consider the analysis of the organization of discourse as a set of methods that lay the foundation for the analysis of larger units or sections of the text. There is a general recognition that discourse-level analysis allows understanding of the semantic structures of whole texts and how such structures create textual meanings. In its various forms, discourse analysis is the branch of linguistics that is related directly to how texts create contexts, with their organization at this super-essential level and with their functioning as part of a dynamic process between participants. Particularly acute is the question concerning the analysis of discourse as a social and political phenomenon, since the discourse analysis of oral and written texts in tradition concerns language as a social semiotics. Questions of class, gender, socio-political determination, and ideology can never be far from analyzing the words on a page. It can be argued that discourse analysis should address not only the microcontexts of the influence of words in sentences or conversational turns, but also the macrocontexts of broader social patterns.

Key words: literature, text, analysis, discourse, language, culture, society, reader.

Необычайный рост исследований, посвященных тексту и дискурсу, особенно в последние годы, объясняется прежде всего многогранностью и многоплановостью этих двух сложных феноменов. В большинстве случаев лингвисты не считают необходимым отделять текст от дискурса и не предпо-

лагают, что анализ дискурса занимается исключительно речевым дискурсом. Однако использование термина «высказывание» предполагает, как и фраза «анализ разговора», более прямую связь со спонтанной, необученной речью, возникающей в контексте и между участниками. Что, возможно, более важно, так это объем текста, который обычно изучается.

В рамках анализа дискурса или текста ориентация более заметно направлена на внутрисентенциальные отношения и на последовательность разговорных вкладов через пары индивидуальных речевых поворотов. Все авторы воспринимают литературные тексты как явления естественного общения, рассматривают анализ организации дискурса как набор методов, которые закладывают основу для анализа более крупных единиц или участков текста, чем это обычно делается в литературной и лингвистической стилистике. Существует общее признание того, что анализ на уровне дискурса позволяет понять семантические структуры целых текстов и то, как такие структуры создают текстовые значения. В частности, анализируется диалог. Это включает диалог между персонажами романов, пьес и стихотворений, а также диалогическое взаимодействие между авторами, рассказчиками, предполагаемыми читателями и реальными читателями. Так, например, В.Е. Чернявская обращает внимание на социолингвистические разновидности или регистры языка и исследует, как они взаимодействуют в ряде литературных текстов в ответ на социальные, экономические, технологические и теоретические потребности соответствующих культур [6].

Особое внимание также уделяется лингвистическим отношениям, которые создают текст между авторами и читателями; они, в свою очередь, будут кодировать, согласно Н.Д. Арутюновой, определяющие социально-экономические структуры конкретных исторических контекстов [1]. Существует диалектическая взаимосвязь между языком и социальной структурой: разновидности лингвистического использования являются одновременно продуктом социально-экономических сил и институтов – отражением таких факторов, как властные отношения, профессиональные роли, социальное расслоение и т. д., а также практики, которые играют важную роль в формировании и узаконивая те же самые социальные силы и институты. «Новые критики» и формалисты категорически отрицали, что «литература» имеет социальные детерминанты и социальные последствия, но социолингвистическая теория... по-

кажет, что весь дискурс является частью социальной структуры и входит в... воздействующие и влияющие на отношения... [3]. Литература рассматривается К.Н. Кожевниковой как дискурс, который в той или иной степени определяется и контролируется социальными институтами, в которые он встроен. Стремление здесь состоит в том, чтобы не допустить превращение литературы в совокупность текстов, официально утвержденных академией, экзаменационными комиссиями и издателями, как обладающие качествами, необходимыми для «литературы» [2]. К.Н. Кожевникова стремится продемонстрировать истинность заявления некоторых исследователей о том, что «литература – это то, «чему учат», и что утверждения об универсальной значимости литературных ценностей надуманы.

То что ценится как литература, меняется от одного общества или культуры внутри общества к другому и не может быть подтверждено вне исследования дискурсов, которые общество производит и в которых живет. Меняется даже сам термин «литература», поскольку в XVIII в. он использовался для обозначения письма в самом широком смысле слова. Что касается лингвистических свойств, то Ю.Е. Прохоров также утверждает, что не существует особого разнообразия использования языка, которое является отчетливо или исключительно литературным: регулярно в некоторых, но не во всех, других «литературных» текстах, но они не ограничиваются «литературными» текстами (рифма и аллитерация встречаются в рекламе); и «литературные» тексты также опираются на шаблоны, которые, как правило, встречаются в «нелитературных» текстах (беседа, новостной репортаж и т.д.). Это стилистическое совпадение и отсутствие каких-либо необходимых и достаточных лингвистических критериев для «литературного» текста хорошо известно, хотя часто игнорируется [4].

В.Е. Чернявская считает: «...что стилистика и литературоведение должны серьезно относиться к теории и методологии социолингвистического разнообразия как способу учета специфических языковых свойств рассматриваемых текстов. Формалистские теории литературного языка могут пытаться изолировать «литературный» язык, но такое использование языка можно найти в социальных дискурсах, которые не определены как литературные» [6]. И это было бы еще одним свидетельством парадоксов, присущих тому, чтобы не рассматривать литературу как социальный дискурс. В своих разно-

образных формах анализ дискурса является той отраслью лингвистики, которая наиболее непосредственно связана с тем, как тексты создают контексты, с их организацией на этом сверхсущественном уровне и с их функционированием как частью динамического процесса между участниками.

Вопрос стоит особенно остро в том, что касается анализа дискурса как социального и политического феномена, поскольку дискурсивный анализ устных и письменных текстов в традиции касается языка как социальной семиотики. Вопросы класса, пола, социально-политической детерминации и идеологии никогда не могут быть далеко от анализа слов на странице. Можно утверждать, что анализ дискурса должен касаться не только микроконтекстов воздействия слов в предложениях или разговорных поворотов, но и макроконтекстов более широких социальных паттернов. Один вопрос: как далеко мы можем зайти, сохранив для нашего анализа лингвистический персонаж? Другой вопрос: насколько мы должны принимать во внимание «позицию» аналитика и идеологии как анализа, так и аналитика, которые неизменно и неизбежно встроены в дискурс? Используя здесь термин «дискурс», мы движемся в направлении, общем для многих современных литературных теорий. Работа в рамках альтернативных традиций дискурса, таким образом, выводит нас за пределы традиционного стремления стилистики к эстетическим ценностям, к рассмотрению социальных и политических идеологий, закодированных в текстах. Иными словами, язык не опосредует «реальность» каким-либо простым или «здоровым смыслом». Не существует простого однозначного или однозначного соответствия между словами и тем, к чему они относятся «объективно» в мире. Вместо этого пользователи языка или «субъектов» находятся на пересечении различных дискурсов.

Наши знания и убеждения производятся дискурсивно; они не универсальны, а социально-семиотические по своему происхождению, функциям. Как бы много доминирующих идеологий ни способствовало укреплению стабильности и сопротивлению альтернативным порядкам, любой говорящий является частью непрекращающейся борьбы, в которую заложены различные интересы. То, как мы видим вещи, зависит от того, откуда мы их видим, а откуда мы их видим, – это социально-историческая, культурно сформированная позиция. Используемый нами язык не отражает; он преломляет мир, в котором мы находимся, но который мы можем оспорить и изменить. Анализ

литературного дискурса должен стремиться продемонстрировать определяющие позиции, имеющиеся в текстах, и показать, как «значения» и «интерпретации значений» всегда и неизбежно дискурсивно производятся. Рискуя чрезмерно обобщить и упростить, мы можем сказать, что если 1960-е гг. были десятилетием формализма в стилистике, 1970-е гг. – десятилетием функционализма, а 1980-е гг. – десятилетием дискурсивной стилистики.

Литературное чтение было темой исследования литературоведов и педагогов почти три четверти века. Напротив, эмпирические исследователи обратили внимание на литературу совсем недавно, поскольку большинство исследований проводились только за последние двадцать лет. Однако литературная сфера полна споров. Основные различия в предмете исследования препятствуют появлению единой парадигмы эмпирического исследования. Разногласия по поводу природы литературы сосредоточены на том, является ли литература фундаментальной категорией дискурса с отличительными свойствами или культурным образованием. Одной из примечательных особенностей данного исследования является его внимание к вопросам интерпретации или литературного значения. Напротив, в основной литературной критике традиционно преобладала ориентация на интерпретацию, осуществляемую в рамках одной из двух основных традиций: либо герменевтический подход, сосредоточенный на тексте, либо контекстный подход, который обращается к основным культурным образованиям, которые, как считалось, налагают определенные требования на литературное производство. Хотя читатели, несомненно, заинтересованы в понимании того, что они читают, это не должно затмевать другой и, возможно, более основной способ взаимодействия, который заключается в изучении литературы – будь то ценить ее формальные качества, быть возбужденным напряженным сюжетом или сочувственно страдать.

Что такое литературный дискурс? Приводит ли это к типу чтения, отличному от того, что изучается в основных исследованиях обработки дискурса? Различия между литературной и нелитературной обработкой исследования показывают, что литературные читатели формируют определенные ожидания во время чтения, что интерпретирующая рамка может изменяться или трансформироваться при чтении литературного текста. Есть доказательства конструктивной роли чувств в процессе чтения-процесса, который может частично определяться.

Однако сначала следует обрисовать взаимосвязь между эмпирическими исследованиями и господствующей литературной наукой, потому что это продолжает обеспечивать важный, хотя и проблемный контекст для рассмотрения литературных проблем и формирования эмпирических исследований. Хотя пропасть между литературной наукой и эмпирическими исследованиями остается большой, три вопроса, в частности, служат для иллюстрации трудностей и перспектив этой относительно новой дисциплины: история теории отклика читателя, роль жанра и вопрос о том, обладает ли литература отличительными качествами. Например, Ю.Е. Прохоров предположил, что изучение реальных читателей будет бесплодным, потому что в центре внимания критики должны быть условности, которые он считал первостепенными при определении любого чтения, будь то литературное или нелитературное [4]. Эти условности можно исследовать в многочисленных интерпретациях, уже имеющихся в профессиональной литературе по данному тексту. Многие исследователи выдвинули гипотезу о конкретных процессах чтения, основанных на очевидных характеристиках литературных текстов и их предполагаемых эффектах. С другой стороны, оказалось, что внимание к таким особенностям с самого начала было связано с обычаями чтения. Поскольку считалось, что читатели приобретают такие условности в процессе обучения, обычно в классе, профессиональное внимание сместилось с рассмотрения того, чем на самом деле могут заниматься отдельные читатели. Среди наиболее влиятельных формулировок этой точки зрения, сильное и широко признанное утверждение Л.И. Филлипса, о том, что интерпретирующее сообщество, к которому принадлежит читатель, определяет любое возможное чтение, по-видимому, делает чтение чисто релятивистским процессом [5]. Язык – это литературная среда; чем больше читатели способны понимать и описывать эффекты, производимые языком, тем сильнее они будут занимать позицию, пытаясь систематически учитывать свою интуицию и создавать основу для более полной интерпретации текста.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // БЭС: Языкознание. М., 2000.
2. *Кожевникова К.Н.* Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М., 1979.
3. *Рымарь Н.Т., Скобелев В.П.* Теория автора и проблема художественной деятельности. Воронеж, 1994.
4. *Прохоров Ю.Е.* Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2006.
5. *Филлипс Л.И., Йоргенсен М. В.* Дискурс-анализ. Теория и методология. Харьков, 2004.
6. *Чернявская В.Е.* Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Сб. науч. ст., 2001.

R E F E R E N C E S

1. *Arutyunova N.D.* Discourse // Encyclopedia dictionary: Linguistics. M., 2000.
2. *Kozhevnikova K.N.* On the aspects of connectivity in the text as a whole // Text syntax. M., 1979.
3. *Rymar N.T., Skobelev V.P.* The theory of the author and the problem of artistic activity. Voronezh, 1994.
4. *Prokhorov Yu.E.* Reality. Text. Discourse. Moscow: Flinta: Nauka, 2006.
5. *Phillips L.I., Jorgensen M.V.* Discourse analysis. Theory and methodology. Kharkov, 2004.
6. *Chernyavskaya V.E.* Discourse as an object of linguistic research // Text and discourse. Collection of scientific articles, 2001.

---

06 октября 2020 г.